

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-2.39>

Сарыгёз Ольга Владимировна

КЛИШЕ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ КЛАСС

Впервые в лингвистике турецкого языка делается попытка выделить новый функциональный класс устойчивых выражений - клише, определить их функционально-семантическую природу и место среди других схожих явлений, поднимается вопрос о правомерности и обоснованности их включения в систему фразеологии, проводится анализ критериев для определения клише как класса. Устойчивые выражения анализируются в разрезе теории речевых актов и функционально-семантического подхода. Количество и разнообразие видов клише в турецком языке обусловило поиск новых решений для их систематизации. В работе предложена авторская классификация данной функциональной единицы. В данном исследовании будет предпринята попытка определить критерии для установления и определения клише, выступающего в роли регулятора общения и соответствующего различным ситуациям, обусловленным особенностями, нормами, традициями, принятыми в том или ином обществе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/4-2/39.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 4(82). Ч. 2. С. 382-388. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 80

Дата поступления рукописи: 12.01.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-2.39>

Впервые в лингвистике турецкого языка делается попытка выделить новый функциональный класс устойчивых выражений – клише, определить их функционально-семантическую природу и место среди других схожих явлений, поднимается вопрос о правомерности и обоснованности их включения в систему фразеологии, проводится анализ критериев для определения клише как класса. Устойчивые выражения анализируются в разрезе теории речевых актов и функционально-семантического подхода. Количество и разнообразие видов клише в турецком языке обусловило поиск новых решений для их систематизации. В работе предложена авторская классификация данной функциональной единицы. В данном исследовании будет предпринята попытка определить критерии для установления и определения клише, выступающего в роли регулятора общения и соответствующего различным ситуациям, обусловленным особенностями, нормами, традициями, принятыми в том или ином обществе.

Ключевые слова и фразы: клише; устойчивые выражения; функционализм; теория речевых актов; турецкий язык.

Сарыгёз Ольга Владимировна

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

Санкт-Петербургский государственный университет

sarigozby@gmail.com

КЛИШЕ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ КЛАСС

Одной из гипотез настоящего исследования явилось определение наличия в языке универсальной единицы, устойчивой и полностью готовой для осуществления коммуникации с носителем определенной речевой культуры в соответствии и с учетом его речевого поведения. Проведенный нами углубленный анализ существующих теорий в области турецкой лексикологии и фразеологии позволяет говорить о недостаточном освещении лингвистами такого явления, как клише. Рассмотрение клише как стереотипной единицы в турецком языкознании дает возможность исследователям предложить новый подход к изучению этого явления и всей фразеологии в целом.

Еще в 80-х гг. прошлого столетия А. Н. Кононов [9] говорил о важности решения тех задач, которые стоят перед тюркологами, в частности, о необходимости проведения широкой работы по вопросам культуры устной и письменной речи. Однако на сегодняшний день мы не имеем не только отдельного фразеологического словаря турецкого языка, словаря афоризмов, но и пособий по практике устной и письменной речи, пособий по обучению турецкому этикету.

Мы обратились к положениям теории речевых актов (далее – ТРА), относящейся к речевому акту «как к способу достижения человеком определенной цели и рассмотрения под этим углом зрения используемых им языковых средств» [14, с. 11]. ТРА классифицирует речевые акты в соответствии с иллюкутивностью цели. Это стало возможным исходя из «функционального подхода к анализу языковых феноменов и позволило рассматривать высказывания... в терминах интенций и конвенций» [20].

Понимание Дж. Серлем основного назначения языка через призму осуществления целенаправленных действий позволило выдвинуть на передний план намерения коммуникантов. Дж. Остин, наряду с существующим термином «локутивный акт», вводит понятия «иллокутивный акт», под которым он рассматривает информирование: приказ, предупреждение [16, с. 108], и «перлокутивный акт», который передает цели говорящего – «вызывать что-то или достигать чего-то через посредство говорения, скажем, убеждать, вынуждать, устрашать, даже удивлять или вводить в заблуждение» [24, р. 109].

И если объектом исследования в ТРА является «акт речи, состоящий в произнесении говорящим предложения в ситуации непосредственного общения со слушающим» [14, с. 11], то именно функциональный подход помогает установить конкретные реализации тех или иных языковых явлений.

В. Г. Гузев пишет: «Функционально-семантический подход понимается как составная часть более широкого общефункционального подхода, который не ограничивается семантикой, а охватывает все компоненты системы» [6, с. 28]. О необходимости обращения исследователей к функциональной стороне языка говорит также и М. Г. Петросьян: «Функциональный подход... позволяет исследовать объект с точки зрения не его внутреннего строения, а функционирования, его связей с окружающей средой... дает возможность изучить язык в его конкретной реализации, в действии, исследовать языковые средства передачи экстралингвистических ситуаций... отвечает естественным условиям речевого общения» [18, с. 98].

Сторонники функционального подхода также призывают исследовать речевое поведение: С. Г. Агапова вводит термин «функционально-прагматическое поле», понимая его как реализацию того или иного поля в высказывании, в зависимости от принципов и правил речевого поведения, принятых в обществе [1, с. 146].

Как пишет об этом Б. Ю. Норман, «функциональный подход неизбежно приводит к ранжированию всего речевого материала – в фонологии, морфологии, лексике, синтаксисе – по степени его репрезентативности: к делению его на “центральную” (ядерную) и “маргинальную” (периферийную) части. Функциональный

подход предъявляет свои требования и к изложению лексического материала» [15]. Согласно мнению ученого, задачи усвоения и особенности дальнейшего употребления лексики прямо связаны и с частотой употребления слова, его стилистической характеристикой, культурной, идеологической и иными коннотациями [Там же]. Нельзя не согласиться с автором и в вопросе выстраивания последовательности структурных схем предложения: от более простых, частотных, активных, к более сложным и редким, при этом модели стилистически окрашенные или лексически связанные (фразеологизованные) отходят здесь на второй план [Там же]. Мы также хотим обратить внимание на условную второстепенность класса фразеологизмов по отношению к функционально наполненному классу клише. Автор подчеркивает роль функционализма, позволяющего вычленив искусственные, нежизнеспособные категории или избыточные единицы, установив языковые единицы, несущие большую функциональную нагрузку. Именно они являются важными для языковой системы. По мнению исследователя, «рациональное зерно и исследовательский пафос сводится к тому, чтобы исходить из реальности речи и эффективности использования языковых средств» [Там же].

О кризисе, возникшем во фразеологии, писала В. Н. Телия: «Постклассический период русской фразеологии можно охарактеризовать, пожалуй, как “болезнь роста”: корпус фразеологии уже выделен, но надвигается кризис идей, для преодоления которых необходимо было вновь “навести мосты” между лексикологией и фразеологией...» [22, с. 23]. Наше понимание «фразеологического кризиса» заключается в том, что фразеология зашла в своеобразный семантический тупик, поглотив все синтаксические структуры без учета функциональных особенностей (понятия функции фразеологизмов не изучены и не сформулированы). Мы наблюдаем превалирование семантического критерия над остальными возможными критериями. Не будучи применимым ко всем видам устойчивых выражений (далее – УВ), он тем не менее остается единственным доводом для многих теорий.

Необходимо согласиться с мнением А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского о том, что на сегодняшний день существует только три критерия для установления фразеологических единиц (далее – ФЕ): неоднословность, устойчивость и идиоматичность. Вряд ли можно утверждать, что имеющиеся определения хорошо «работают на всем множестве идиом», «однословность – неоднословность можно считать единственным относительно ясным и операциональным понятием...» [2, с. 27]. Авторы обращают внимание на тот факт, что традиционные фразеологические классификации затрагивают лишь структурно-семантические характеристики УВ.

Французский исследователь М. Кауффер также обращает внимание на сложность в определении трех критериев – идиоматичность, устойчивость и полилексичность [29, р. 193].

Российский исследователь В. М. Бурунский отмечает, что вопрос классификации клише «решается с позиций фразеологии, т.е. клише определяются, так сказать, “от фразеологизмов”» [3, с. 15]. А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский обращают внимание на тот факт, что традиционные фразеологические классификации затрагивают лишь структурно-семантические характеристики УВ [2, с. 81].

На сегодняшний день лингвистика располагает огромным количеством синонимичных терминов, которые уже применялись в отношении клише как лингвистического явления.

В ходе проведенного анализа мы пришли к выводу, что чаще всего под клише понимаются совершенно разные единицы. Сторонники одного подхода видят в клише лишенный образности оборот, делающий нашу речь примитивной (О. С. Ахманова, Г. Н. Складаревская), вторые – под клише понимают целостные выражения, обслуживающие наше общение, выступающие в роли формул-реакций, привязанных к конкретной ситуации, без которых коммуникация не представляется невозможной (Т. М. Дридзе, С. Доганджай, С. Булут, Х. Гёкдаи, Н. Шмитт, Г. Р. Сафиуллина, Коуи, Ф. Коулмас, Д. Вуд, Дж. Р. Фирс, Г. Л. Пермяков, С. Г. Терминасова, М. Д. Городникова, Д. О. Добровольский, В. В. Гвоздев, В. К. Гак).

Исследователи по-разному понимают природу речи, воспроизводимость ее элементов. В соответствии с одной из точек зрения, осуществление речевой деятельности – постоянное продуцирование новых высказываний, которые коммуникант никогда не слышал ранее. Похожих точек зрения придерживается Б. М. Гаспаров, утверждающий, что в памяти существуют готовые коммуникативные фрагменты, с помощью которых человек познаёт мир и взаимодействует с ним [5]. Ю. Н. Караулов пишет, что «в обычных коммуникативных актах мы стараемся употреблять готовые формулы и рутинные обороты» [8, с. 98].

По мнению А. А. Леонтьева, процесс извлечения языковой единицы из сознания проходит два этапа: от внутреннего программирования высказывания до грамматико-семантической реализации с четырьмя подэтапами, начиная с оперирования семантическими признаками и их распределения и заканчивая синтаксическим программированием и контролем [10, с. 144].

Мы полагаем, что эти этапы больше соответствуют построению простых предложений, возможно, описательного типа. При употреблении клише все фазы превращаются в одну, либо второй, третий и четвертый подэтапы формирования высказывания могут и вовсе исчезать: нет необходимости и потребности в регулировании семантико-грамматических связей и тем более синтаксического программирования, т.к. клише – форма, в которой уже учтены все связи, согласования.

О более простой схеме пишет и Э. Рэй. Она указывает на данные исследований, которые описывают процесс таким образом: как только мозг сталкивается со знакомой лингвистической задачей, процесс формирования высказывания минует стадию первичной обработки, на которой происходит анализ различных, объединяемых в одно целое компонентов высказывания [34, р. 215].

Исследователи М. Спагнола и Б. Физ также подчеркивают роль семьи в первичном усвоении так называемых семейных рутин (*family routines*) и роль родителей, которые прививают навыки вежливого общения детям, демонстрируют им своего рода шаблоны общения.

Клише отражают социальную систему, и их усвоение напрямую связано с социализацией индивида, с принятием себя в качестве члена данного сообщества. Еще в 1972 г. об особой форме – «ритуале, являющемся формальным элементом коммуникации... который выступает в качестве контроллера или регулятора социальной ситуации» [28, р. 3], писал Дж. Р. Фирс.

Клише осваиваются блоками (целостно), и было бы ошибочно изучать их только с точки зрения теории освоения языка.

Считается, что основы турецкой фразеологии были заложены в работах Л. Н. Долганова [7], Э. В. Мамулии [11]. В 1967 г. С. Н. Муратов поднимает вопрос о фразеологическом составе языка: «...только отдельные группы устойчивых словосочетаний составляют фразеологический состав языка» [13, с. 2-3]. Следуя традициям того времени, исследователь применяет классификацию В. В. Виноградова к фразеологической системе тюркских языков и определяет три класса: идиомы лексико-фразеологического типа; идиомы собственно фразеологического типа и устойчивые фразеологические речевые формулы (фразеологические штампы). К сожалению, последнему классу автором отведена роль вспомогательная, эти выражения «являются выражениями междометного характера», которые, по словам автора, «выражают отношение говорящего к предмету», а также это «формулы различных пожеланий». Удивительно отнесение автором выражения «Хуш кильдегез!» / *Добро пожаловать!* к междометным, к которым он также относит и «различные формулы благих пожеланий, проклятий и т.п.» [Там же, с. 127].

Турецкие лингвисты традиционно разделяют весь фразеологический фонд турецкого языка на две большие группы: пословицы и устойчивые выражения (*deyim*). В группу последних входят все выражения, которые лингвисты не смогли отнести к пословицам и которым не было присвоено отдельное наименование, т.е. поговорки, прибаутки, штампы, канцеляризмы и явление, которому мы и посвятили данное исследование, – клише (*kalıp sözler*).

Относительно клише точки зрения очень разнятся: от незначительности данного явления (Д. Аксан, О. Аксой, Ф. Бозкурт, Д. Зейрек, Е. Оздемир, А. Пюскюлюоглу, Словарь «Турецкого лингвистического общества», М. Хенгирмен, Ч. Эрл) до выделения его как самостоятельного класса (С. Булут, Н. Коч, Х. Гёкдаи, С. Кёрслэйк и А. Гёксель, Таннен и Озтек, Л. Тюлек). С. Кёрслэйк и А. Гёксель наряду с формулами, как их называют в книге, также рассматривают особенности обращений (апеллятивные формы) и вводные конструкции (*conversational fillers*) [30].

Турецкие исследователи Д. Таннен и П. Дж. Озтек настаивают на том, что в турецком языке насчитывается огромное число речевых формул, число их больше, чем в английском. Основным критерием служит использование одного и того же выражения всеми представителями данной культуры в отношении определенной ситуации: «...никто не употребит в данной ситуации другое выражение, и неупотребление замечается в обществе» [32, р. 38].

Д. Зейрек рассматривает тему лексики вежливости и ее лингвистическое проявление с точки зрения социокультурной перспективы [36].

А. Байрактароглу и М. Сифиану описывают советы (рекомендации), которые принято давать в турецком обществе. Авторы считают, что в каждом обществе существуют подобные выражения как для поддержания разговора, так и для выражения сочувствия (*Allah şifalar versin!* / «Да пошлет Бог выздоровление!»), просьбы/мольбы (*Ne olur!* / «Ну что тебе стоит!», *Allah aşkına!* / «Во имя любви к Богу!», *Ölümü gör!* / «Увидь мою смерть» (Я умру, если ты откажешь в просьбе) и т.д.), относящиеся к различным сферам жизни турецкой семьи и общества в целом [25]. Исследователи оперируют определением К. Баха и Р. М. Гарниша для стереотипных высказываний: «...это – готовые блоки для использования их в ходе социального взаимодействия, обычно не служат для выражения эмоций, а помогают поддерживать социальные договоренности поведенческих традиций, принятых в социуме» [цит. по: 36, р. 62].

С точки зрения автора настоящей статьи, клише – класс, отличный от фразеологизмов и иных УВ. Под клише в настоящей работе понимается интенционально детерминированная коммуникативная единица, структурно представляющая собой моно- или полилексическое предложение, как предикативно, так и семантически целостное, выполняющее функцию реакции на внешние языковые и неязыковые факторы. Автор полагает, что в турецком языке возможно установить речевые единицы, которые могут быть описаны и использованы при обучении иностранному языку как своего рода универсалии, изучение которых будет способствовать наиболее быстрому обеспечению коммуникативных намерений в языковом социуме.

Э. Рей определяет разговорные формулы как последовательность слов или других элементов, являющихся готовыми единицами или оказывающихся таковыми, т.е. хранящихся в памяти и воспроизводимых целиком в момент употребления в речи, а не производимых согласно правилам грамматики данного языка [34, р. 214]. Д. Вуд обращает внимание, что при всем разнообразии дефиниций данного явления есть один общий критерий: дефиниции сфокусированы на когнитивном хранении и их усвоении [33, р. 25]. Э. Рэй и М. Перкинс полагают, что формулы являются многословными языковыми единицами, которые остаются в долгосрочной памяти, как если бы они являлись отдельными лексическими единицами [35].

Ф. Коулмас использует термин «рутины» и пишет: «Рутины отражают, в каком-то смысле, концепцию социальной системы» [27, р. 2]. Подчеркивая роль рутин, автор полагает, что «повседневные клише (*conversational routine*) – это своего рода джентльменское соглашение, которое установили между собой члены определенного сообщества...» [Ibidem, р. 4]. Мы согласны с данным утверждением. Клише – это социальное явление, значение и функции которого следует анализировать в социокультурном контексте. Клише

отражают социальную систему, и их усвоение напрямую связано с социализацией индивида, с принятием себя в качестве члена данного сообщества. Клише осваиваются блоками (целостно), и было бы ошибочно изучать их только с точки зрения теории освоения языка. Это, прежде всего, единство поведенческих норм языка как системы, это отношения, которые вовлечены в заготовленную речь, или, иными словами, речь, которая будет вестись по шаблону. Недаром наряду с коммуникативной компетентностью ученые также выделяют формульную и фразеологическую [31], которой, как мы полагаем, должен овладеть изучающий турецкий язык.

Отечественные исследователи предлагают также и широкое понимание клише, которое мы находим у Г. Л. Пермякова: это «устойчивые сочетания слов, которые воспроизводятся в раз и навсегда заданной форме» [17, с. 7]. Клише, в понимании автора, охватывает все устойчивые единицы.

А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский говорят о клише как о речевых формулах: «...это идиомы разных структурных типов (преимущественно законченные высказывания) с фиксированной иллокутивной силой или определяющие иллокутивные характеристики речевого высказывания. В их плане содержания имеется отсылка к ситуации общения. Специфика их значения заставляет рассматривать эти единицы как отдельный класс» [2, с. 81].

Необходимое определение мы также находим и у Р. К. Миньяр-Белоручева, который определял ситуационные клише как механически воспроизводимые и обязательные в данной речевой ситуации, представляющие самостоятельные и законченные предложения [12, с. 90-91].

Фразеологи, к сожалению, совершенно не учитывают синтаксический критерий: «отождествляя» словосочетания и целостные предложения, тем не менее не включают в класс фразеологизмов отдельные слова. Мы понимаем под клише любое предложение: оно может быть выражено одним словом, словосочетанием (апеллятивы), вводными предложениями, полным предложением. Как только группа слов получает предикативность, она становится предложением. Таким образом, в турецком языке целый лексический пласт (слова-предложения) может остаться вне классификации. Примерами монолексикальных предложений могут служить: *Hayırdır!* / «Надеюсь, все хорошо!»; *Hayırlısıdır!* / «Дай Бог, все к лучшему!»; *Maşallah!* / «Вот молодец!»; *Aferin!* / «Молодец!».

Можно ли говорить о семантике вне синтаксиса? Именно на этот вопрос натолкнуло нас выражение *İş güç / дословно*: «Дела. Работа». Это типичный ответ на вопрос: «Как дела?». Как рассматривать данный пример? Слова не оформлены никаким видом синтаксической связи – это не позволяет назвать их словосочетанием, а значит, и фразеологизмом. Однако это – полноценное предложение. Об этом пишет Б. Ю. Норман: «Функциональный синтаксис учит, что семантика каждого слова, участвующего в высказывании, должна оцениваться с точки зрения того, насколько она соответствует типовой синтаксической роли» [15].

Мы не согласны с мнением М. В. Порхомовского о том, что «все без исключения паремии ситуативны, т.е. не только употребляются в той или иной ситуации, но и сами эту ситуацию моделируют или же означают» [19, с. 111]. Автор сопоставляет ситуативность с номинальностью.

А. И. Федоров пишет о фразеологизмах как явлении избыточном в языке: «...их существование оправдано только потребностями экспрессивной характеристики, оценочности предмета мысли» [23, с. 19]. Аналогичное понимание мы находим в работе турецкого исследователя С. Булута: «...нам нет необходимости использовать ту или иную поговорку или фразеологизм, клише, но когда мы приходим в дом, где скончался человек, мы обязаны выразить соболезнование и соответствие с этикетом... вы сможете поддержать беседу, кроме обязательного “*Başınız sağ olsun*” (“Наши соболезнования”). Нас ничто не вынуждает использовать фразеологизм “*Etekləri tutuşmak*” (“заволноваться”, “забеспокоиться”) или поговорку “*Sakla samanı gelİR zamanı*” (“Сохрани на черный день”) – они не обладают той вынужденностью, которая присуща выражению выше» [26, р. 26].

Рассмотрим фразеологизм «жить на широкую ногу»: *Он живет на широкую ногу*. В данном случае он выполняет в предложении описательную функцию, а не контактоустанавливающую, свойственную клише. Фразеологизмы не имеют никакой облигаторности использования или других функциональных особенностей. Выражение может быть с легкостью заменено на неметафоричный оборот, без утраты функциональности всего предложения: *Он живет на широкую ногу* = *Он живет богато*. Фразеологизм возникает вне дискурса, это внутренняя потребность выразить мнение об окружающей действительности.

В. Н. Телия писала, что фольклорист оперирует знанием о ценностях, характерных для «народного духа», а фразеология – знанием о единицах языка как знаковой системы, способной обеспечить сообщения о мире [22, с. 74]. Мы не видим препятствий для объявления фразеологизмов единицами фольклора: фразеологизм и есть фольклор в его чистом проявлении. Опыт народа, его знания о мире воплотились в тех ассоциативных рядах, которые представляют собой фразеологизмы. Мы полагаем, что отделение пословиц и поговорок в отдельное направление «паремнология» не обосновано. В него, в нашем понимании, наряду с собственно фразеологизмами могут быть включены и клише.

Огромный пласт выражений турецкого языка – проклятия – вообще не был описан до сих пор с точки зрения иллокутивной силы. Наряду с молитвами, которые могут быть охарактеризованы как доброжелания, проклятия имеют противоположную направленность – зложелания.

Фразеологи не учитывают интенции коммуникантов и игнорируют внутреннюю психологическую структуру, способную мгновенно реагировать на малейшие изменения окружающей среды, самого человека или культуры, созданной в результате их взаимодействия, иными словами, речевой субкультуры [21]. Игнорируются и законы функционирования языка и особенности употребления тех или иных языковых единиц.

В. Г. Как обратил внимание на отдельный языковой пласт, для которого им был предложен новый термин: «...фразорефлексы – вербальные реакции (формулы – стандарты приветствия, пожелания, просьбы, выражающие чувства, эмоции), имеющие тенденцию к стереотипизации, и которые приобретают более или менее устойчивый характер в языке» [4, с. 47]. Исследователь выделяет 8 групп: 1) формулы этикета: *здравствуйте; спасибо*; 2) реакции на неожиданные звуки: *будьте здоровы*; 3) реакции на что-либо или кого-либо, на возникновение чего-либо, на повторение явления: *только этого и не хватало; здравствуйте, я ваша тетя*; 4) реакция на определенную ситуацию: *порядок; ты не прозрачный*; 5) реакции на слова или вопросы, на мнения собеседника или иного лица: *с чего ты взял?; а ты думал!*; 6) оценка слов и действий другого человека: *ты с ума сошел!; как не стыдно?*; 7) выражение побуждения: *давай-давай!*; 8) языковые шутки [4].

Мы предлагаем следующую классификацию клише турецкого языка:

1. Коммуникативы, маркирующие речевые стратегии «сотрудничества» в интерперсональном (интерактивном) плане, обеспечивающие вступление в коммуникацию, ее поддержание, при необходимости перебивание собеседника, выступающие в роли зачинов, заполнителей пауз (*conversational fillers*), инициирующие ответную реакцию собеседника, выход из коммуникации. К ним относятся:

а) собственно клише – реплики-реакции коммуникативного общения, этикетные формулы;

б) шаблоны-канцеляризм, которые используются в официально-деловой переписке, на переговорах, в формах документов.

2. Эмотивы, выражающие эмоциональные реакции; оценку деятельностной ситуации и другие интерперсональные отношения. К ним мы относим:

а) междометные обороты;

б) поговорки;

в) прибаутки – узуальные, эмоционально окрашенные, не несущие строгого суждения, вывода, экспрессивно наполненные выражения;

г) молитвы, проклятия и др.

3. Апеллятивы – слова, словосочетания, предложения, позволяющие прямо или косвенно обратиться к человеку либо высказать иносказательно свое отношение к нему.

Итак, рассмотренные нами устойчивые единицы представляют собой отдельный функциональный класс, исходя из следующих характеристик:

1) модално-коммуникативная функция клише в рамках высказывания. Фразеологизм функционально несет иную нагрузку, выступая в виде метафорической номинации. Кличе организуют и регулируют социально-речевое поведение индивида, являющее собой реакцию, ответную реплику.

Кличе сугубо диалогично, требуется причина, чтобы клише как следствие возникло;

2) ситуативная облигаторность. В отличие от клише, фразеологизмы не обладают этим признаком. Непризнание за клише автономности нивелирует данный отличительный признак, функциональное отличие, а именно привязанность к ситуации, ритуализированность данных структур, стереотипизированность и узуальность;

3) идиоматичность. Переосмысление лексико-грамматического состава сочетания и его зависимость от контекста употребления присущи клише лишь частично. Для фразеологизмов этот признак является облигаторным, для клише – релевантным;

4) предикативность. Для клише этот признак облигаторен, фразеологизмы им не обладают;

5) монолексикальность. Фразеологизмы не могут обладать этим признаком, так как должны иметь в своем составе не менее одного знаменательного слова, тогда как к клише относят монолексикальные предложения и комбинации междометий, целостные междометные комплексы.

Фразеология турецкого языка представлена всеми видами УВ и не сводится лишь к двум видам – пословицам и фразеологизмам, как полагают турецкие лингвисты. Наша работа была осложнена не только отсутствием фразеологических словарей отечественных авторов, в которых мы могли бы наблюдать различные подходы к отбору материала и к его подаче. В словарях турецких авторов практически невозможным стало установление исходного варианта для значительного числа выражений: индивидуально-авторские версии пословиц, поговорок, крылатых выражений и фразеологизмов смешаны в общей массе с исконно-народными выражениями. Зачастую было невозможно установить, что же является первоисточником того или иного выражения – ФЕ или пословица. Несомненно, что и те, и другие являются плодотворной почвой для речетворчества как народа, так и писателей. В частности, турецкая фразеология не может полноценно развиваться без исследований, прежде всего, в диахроническом аспекте. Перечни выражений, представленные в различных словарях, существенно разнятся между собой. Мы обнаружили, что в ходе изложения материала авторами не были установлены единые принципы отбора лексического материала и его морфологического оформления: они не могут определиться с формой подачи устойчивых выражений, и если чистый фразеологический оборот указывается в инфинитивной форме глагола, то для клише каждый из авторов изобретает свой способ подачи, то приводя клише в полной, неизменной форме, то вычлняя из него некое подобие исходной, якобы первоначальной формы. Авторам удается внести в перечень клише, которые содержат глагол, но с междометными и адъективно-субстантивными клише проделать это оказывается невозможным. Здесь мы и сталкиваемся с бессилием авторов в попытке трансформировать, переделать ту форму, которая иной вид не может иметь и должна быть подана в ее единственном и неизменном виде.

Сегодня перед лингвистами-тюркологами стоят сложные задачи: заложить основы лексикологии турецкого языка, одним из важнейших звеньев которой является фразеология; провести систематизацию фразеологических единиц; рассмотреть достижения западной школы фразеологии и применить их относительно турецкого языка. Данная работа может послужить отправной точкой для дальнейших исследований в данном направлении.

Список источников

1. **Агапова С. Г.** К проблеме функционально-прагматических полей // Единицы языка: функционально-коммуникативный аспект. Ростов-на-Дону: Изд-во РГПУ, 2001. С. 145-149.
2. **Баранов А. Н., Добровольский Д. О.** Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
3. **Бурунский В. М.** Клише: языковые характеристики, функционирование и типология: на материале французского и английского языков: автореф. дисс. ... к. филол. н. Курск, 2009. 21 с.
4. **Гак В. Г.** Фразеорефлексы в этнокультурном аспекте // Филологические науки. 1995. № 4. С. 47-55.
5. **Гаспаров Б. М.** Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 348 с.
6. **Гузев В. Г.** Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол (на материале староанатолийско-тюркского языка): монография. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1990. 166 с.
7. **Долганов Л. Н.** Пути развития идиоматики в современном турецком языке: дисс. ... д. филол. н. М., 1952. 233 с.
8. **Караулов Ю. Н.** Русистика сегодня: функционирование языка. М.: Наука, 1992. 204 с.
9. **Кононов А. Н.** Реорганизация турецкого лингвистического общества. Новое научное общество в Турции // СТ. 1984. № 3. С. 75-83.
10. **Леонтьев А. А.** Основы психолингвистики. М.: Смысл; Академия, 1999. 288 с.
11. **Мамулия Э. В.** Идиоматические выражения в турецком языке (в сопоставлении с грузинским): дисс. ... к. филол. н. Тбилиси, 1970. 168 с.
12. **Миньяр-Белоручев Р. К.** Проблемы теории и практики перевода. М.: Воениздат, 1980. 237 с.
13. **Муратов С. Н.** Устойчивые словосочетания в тюркских языках. М.: Издательство восточной литературы, 1961. 131 с.
14. **Новое в зарубежной лингвистике** / сост. и вступ. статьи И. М. Кобозевой и В. З. Демьянкова. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. Теория речевых актов. 424 с.
15. **Норман Б. Ю.** Функционализм в языке, лингвистике и в лингводидактике [Электронный ресурс]. URL: <http://www.helsinki.fi/slavicahelsingiansia/preview/sh35/pdf/23.pdf> (дата обращения: 09.01.2018).
16. **Остин Дж.** Избранное / пер. с англ. Л. Б. Макеевой, В. П. Руднева. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999. 332 с.
17. **Пермяков Г. Л.** От поговорки до сказки: заметки по общей теории клише. М.: Восточная литература, 1970. 240 с.
18. **Петросьян М. Г.** Функционально-семантический подход к изучению категории экзистенциальности // Сборник научных работ аспирантов и молодых преподавателей. Ростов-на-Дону: Изд-во РГПУ, 1999. Ч. 3. Филология. С. 98-111.
19. **Порхомовский М. В.** Турецкие пословицы в языке и речи. М.: Языки русской культуры, 2014. 176 с.
20. **Рябинская Н. С.** Речь как социальное действие: основные понятия дискурсивного анализа [Электронный ресурс]. URL: <http://jour.isras.ru/index.php/socjour/article/viewFile/767/720> (дата обращения: 25.01.2017).
21. **Седов К. Ф.** Риторика бытового общения и речевая субкультура // Риторика. Специализированный проблемный журнал. 1996. № 1 (3). С. 138-145.
22. **Телия В. Н.** Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
23. **Федоров А. И.** Развитие русской фразеологии в конце XVIII – начале XIX в. Новосибирск: Наука, 1973. 170 с.
24. **Austin J. L.** How to do things with words. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1962. 166 p.
25. **Bayraktaroglu A., Sifianou M.** The Case of Greek and Turkish // Linguistic Politeness across Boundaries. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. P. 1-17.
26. **Bulut S.** Anadolu ağzılarında kalıp sözler ve kullanım özellikleri / Static words in Anatolian dialects and how to use them: doktora tezi. Ankara: Directory of Open Access Journals, 2012. 282 p.
27. **Coulmas F.** Conversational Routine: Explorations in Standardized Communication Situations and Prepatterned Speech. Berlin – Boston: De Gruyter Mouton, 1981. 343 p.
28. **Firth J. R.** Verbal and Bodily Rituals of Greeting and Parting // The Interpretation of Ritual: Essays in Honour of A. I. Richards / ed. by J. S. LaFontaine. L., 1972. P. 1-38.
29. **Kauffer M.** Plaidoyer pour une phraséologie pragmatique sur la base des ALS français et allemands // II International Congress of Phraseology and Paremiology (Nov. 2011). Brasilia, Brésil: Pontes Editores, 2012. P. 192-208.
30. **Kerslake C., Goksel A.** Turkish: An Essential Grammar. L. – N. Y.: Routledge, 2014. 368 p.
31. **Schmitt N.** Formulaic Sequences: Acquisition, Processing and Use. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2004. 300 p.
32. **Tannen D., Öztekin P. C.** Health to our mouths: Formulaic expressions in Turkish and Greek // Conversational Routine. The Hague: Mouton, 1981. P. 37-54.
33. **Wood D.** Perspectives on Formulaic Language: Acquisition and Communication. L.: A&C Black, 2010. 284 p.
34. **Wray A.** Formulaic language in learners and native speakers // Language teaching. N. Y.: Cambridge University Press, 1999. P. 213-321.
35. **Wray A., Perkins M.** The Functions of Formulaic Language: An Integrated Model // Language & Communication. 2000. Vol. 20. № 1. P. 1-28.
36. **Zeyrek D.** Politeness in Turkish and its linguistic manifestations. A socio-cultural perspective // Linguistic Politeness across Boundaries. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. P. 43-73.

THE TURKISH CLICHÉ AS AN AUTONOMOUS CATEGORY

Sarygez Ol'ga Vladimirovna
Belarus State Economic University, Minsk
Saint Petersburg University
sarigozby@gmail.com

For the first time in Turkish linguistics the author identifies a new functional category of set expressions – cliché, determines their functional-semantic nature and place among the similar phenomena. The paper tries to answer the question whether it would be relevant and appropriate to include them in the phraseological system, provides an analysis of criteria to identify cliché as a category. Set expressions are analyzed from the viewpoint of the theory of speech acts and a functional-semantic approach. The quantity and diversity of cliché types in the Turkish language predetermined the search for new approaches to their systematization. The paper proposes the author's original classification of this functional unit, introduces the criteria to identify cliché, which comes out as a regulator of communication and is appropriate for different situations conditioned by the peculiarities, norms, traditions adopted in a certain society.

Key words and phrases: cliché; set expressions; functionalism; theory of speech acts; Turkish language.

УДК 81-2

Дата поступления рукописи: 06.02.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-2.40>

В данной статье рассматриваются особенности вербализации эмоций в текстах англоязычных и русскоязычных электронных СМИ, специализирующихся в области экономики и финансов. Представлены статистические данные, полученные в результате сопоставительного исследования репрезентации эмоций в разноязычных публицистических статьях. С целью категоризации и сравнительного анализа выявленных лексем предложена единая классификация языкового материала. Особое внимание уделяется синтагматическому окружению и функциональному своеобразием номинантов эмоций, что позволяет отследить современные тенденции употребления эмотивной лексики в публицистике экономической направленности.

Ключевые слова и фразы: вербализация эмоций; репрезентация эмоций; эмотивная лексика; сопоставительный анализ; публицистика экономической направленности.

Смахтин Евгений Сергеевич, к. филол. н.

Васьбиева Динара Гиниятулловна, к.э.н., доцент

Калугина Ольга Анатольевна

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

ESSmahtin@fa.ru

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИЙ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Принято считать, что язык прессы отличается субъективным характером. Как следствие, лексико-семантический способ передачи контента публицистического текста является одним из наиболее популярных среди авторов. Силу информационно-эмоционального воздействия на читателя определяют выбор лексем, их синтагматические и парадигматические связи в синтаксических конструкциях, расставляющих смысловые акценты [6, с. 72].

Уникальность эмоциональной сферы человека, пронизывающей все стороны нашего существования, в сравнении с другими объектами номинации обнаруживается, в первую очередь, в многообразии и богатстве языковых средств выражения, включающих не только соответствующую лексику, фразеологические и синтаксические конструкции, но и особую интонацию и порядок слов [1, с. 3]. При этом необходимо отметить, что именно в текстах СМИ наиболее полно отражены актуальные для любого языка особенности речевого поведения носителей [6, с. 72]. Прагматическое воздействие заключается в том, чтобы вызвать у читателя определенную эмоциональную реакцию и при помощи «чувственного сообщения» передать истинный замысел автора [9].

Без сомнения, исследование языкового выражения эмоций занимает важное место в лингвистической науке, подтверждением чего служит количество посвященных данной проблеме трудов. Однако до настоящего момента недостаточно исследованы репрезентации эмоций в публицистических текстах экономической направленности. В данной работе впервые представлено сопоставительное исследование вербализации эмоций в англоязычных и русскоязычных СМИ в области экономики и финансов на основе авторской классификации номинантов эмоций.

Известно, что язык располагает богатым арсеналом средств, способных выражать эмоции. К ним, как правило, относят «соответствующую лексику, фразеологизированные синтаксические конструкции, определенный порядок слов в предложении» [3, р. 25]. Л. Г. Бабенко утверждает, что в роли доминирующего средства